

Надежда Толоконникова в ИК-14, (с) СПЧ

02.10.2013, 09:34

ДОКУМЕНТЫ

Надежда Толоконникова о голодовке и жизни в ИК-14

ОВД-Инфо публикует выдержку из Отчета членов Совета при Президенте по развитию гражданского общества о посещении ИК-14.

[Полная версия отчета доступна на сайте Совета.](#)

Разговор с Надеждой Толоконниковой был записан Масюк Е.В. 25 сентября 2013 г. в помещении, которое официально называется – «безопасное место» (размер помещения – 7 кв. м.), и располагается оно в корпусе, где находятся камеры ШИЗО (штрафной изолятор) и СУС (строгие условия содержания).

Система коллективного воспитания...

- Надя, вы здесь пробыли почти год, мы с вами встречались почти 9 месяцев назад и вы говорили, что вас все устраивает, что все нормально. Что сейчас изменилось, что вы объявили голодовку?

- У меня практически не было иного выхода 9 месяцев назад говорить что-либо еще. Потому что мне в достаточно жесткой форме было пояснено, что со мной будет в том случае, если я скажу что-либо иное. В первую очередь тогда эта информация исходила со стороны тех осужденных, которые имеют контакты с администрацией этого исправительного учреждения. Например, старшая дневальная, то есть та женщина, которая обустроивает режим в отряде, которая отвечает за него.

- Как ее фамилия?

- Ладина. Я достаточно долго думала о том, могу ли я вообще произносить фамилии других осужденных, потому что меня волновал некоторый кодекс чести в этом смысле, потому что я допускаю, что, называя фамилии, я тем самым могу ухудшать положение других осужденных. Но, в конечном счете, я приняла решение о том, что я могу называть их фамилии, чтобы мои высказывания не были

голословными. Я слишком долго молчала и пыталась их как-то прикрыть, прикрыть их действия, незаконные действия. Теперь я просто вынуждена называть их.

Как обустроивается режим со стороны старших дневальных в отряде?! С первых дней моего приезда в колонию она давала мне понять, что совершенно не нужно, чтобы я обращалась с какими-либо жалобами, предложениями, заявлениями к администрации учреждения либо к кому-либо еще из компетентных инстанций. Все это подкреплялось криками, матом, иногда угрозами. Смысл этого всего заключался в том, что мы здесь «старосиды», мы люди, которые уже прошли очень многое, ты этого многого не повидала, в том числе тех ужасов, которые были у нас на «двойке» (то есть ИК-2, они приехали сюда в 2009 году с ИК-2, когда было распределение на «первоходов» и «второходов»). И, соответственно, через нее мне дали понять, что никакие жалобы от меня не должны исходить, потому что в противном случае жизнь реально ухудшится у всех заключенных, поскольку здесь так устроен режим, что в том случае, если от одного заключенного исходит жалоба на условия

содержания либо условия работы, то страдают от этого все, это называется «система коллективного воспитания».

В декабре, когда я беседовала с вами, я очень мягко говорила насчет колонии, потому что я не хотела навредить другим осужденным, зная об этом коллективном методе воспитания. Они и так были измотаны подготовкой к комиссии, к вашему приезду, они были измучены.

- А что они делали к нашему приезду?

- За несколько дней до вашего приезда в колонию проходил массовый ремонт. Вообще это происходит всегда к комиссиям, то есть администрация пытается исправить какие-то недостатки, но это делается совершенно непосильной работой осужденных.

Осужденные отрабатывают свой рабочий день на промзоне, после этого они возвращаются в отряд и продолжают еще ночью что-то делать для того, чтобы исправить недостатки этого учреждения к комиссии. В частности, что было сделано в декабре. У нас переносились полностью кровати. До этого у нас были кровати двухэтажные, а, по всей видимости, это не соответствует закону и соответственно количеству положенных квадратных метров на

человека. Поэтому за эти два дня мы перенесли кровати, полностью поменяли кровати, переносили с третьего этажа на первый, с первого этажа уносили эти двухэтажные на улицу. Были завезены ковры, которых не было никогда раньше в отряде, но тут, видимо, решили показать, как все замечательно, красиво и мило перед комиссией, и у нас застелили ковры в жилой секции. Что еще? Это глобальная очистка всей колонии, отмывка ее, отдраивание, в прямом смысле отдраивание зубными щетками батарей, как это делается в армии. И плюс покраска всех помещений, навешивание дополнительных градусников, какое-то поднятие температурного режима. То есть устранение всех неполадок, которые могла бы заметить эта комиссия. Рабочий день во время комиссии сокращается до 16 часов вечера. А с осужденными проводится воспитательная беседа на тему того, что если вы будете говорить, что у вас рабочий день составляет 16 часов в сутки, 12 часов в сутки, ну в общем любое неположенное Трудовым кодексом время, то пеняйте на себя.

Тогда перед вашим визитом я была вызвана к Куприянову (зам. нач. ИК-14-Е.М.), и он мне сказал, что ты должна учитывать, что если ты заставляешь нервничать нас, то мы будем заставлять нервничать тебя. Ты прекрасно все понимаешь? Я говорю: - Да, понимаю.

В первую очередь мне страшно не за себя, я готова быть помещена в какие-то условия – в ШИЗО или в безопасное место. Проблема заключается в том, что идет давление на других. Мне, естественно, неприятно переносить это давление, которое как бы от меня исходит на других. Администрация специально ставит меня в такую ловушку, когда я понимаю, что я не исправлю ситуацию своими жалобами ни в коем случае, а, напротив, им будет еще хуже.

- В вашем заявлении написано: «Прошу администрацию ИК-14 принять меры для моей изоляции в отдельное помещение». Какое помещение вы имели в виду: камеру, которая официально называется «безопасное место», в котором вы сейчас находитесь, или какое-либо другое помещение?

- Я имела в виду изоляцию на время голодовки, которая предусмотрена законом, под

наблюдением медицинского работника. Я предполагала, что это, может быть, будет медицинская часть. Но я не имела в виду «безопасное место», которое прописано в 13-й статье (Право осужденных на личную безопасность.-Е.М.) УИК РФ. Потому что я считаю, что изоляция меня сюда не является для меня гарантией моей личной безопасности, потому что, как я указывала в своем заявлении о голодовке, на меня исходят угрозы в первую очередь со стороны администрации и только во вторую очередь со стороны осужденных, которые в целом относятся ко мне неплохо либо нейтрально. Они портятся лишь тогда, когда их настраивает против меня администрация. Соответственно угроза идет именно со стороны администрации. Поэтому я не знаю, что именно решается тем, что я нахожусь здесь. Я полагаю, что в любой момент может что-то поменяться со стороны администрации, потому что как только внимание со стороны прессы и общественности уходит, они могут со мной делать что хотят.

- Надя, в своем заявлении вы написали об угрозе жизни со стороны Куприянова. Как звучали его угрозы?

- Мы разговаривали о замене 16-часового дня на 12-часовой рабочий день...

- А почему не на 8-часовой?

- Потому что я понимала, что если они не снизят при этом норму выработки, то соответственно осужденные не будут успевать отшивать норму выработки за 8 часовой рабочий день, это невозможно в принципе, это невозможно физически.

Поэтому я просила что-то реальное, просила 12-часовой рабочий день. И я знаю, что за 12-часовой рабочий день они будут успевать шить. Потому что, когда они работают 16 часов, они устают, постоянно хотят спать и соответственно за 16 часов они в итоге делают то же самое, что они могут сделать за 12. Я очень долгое время не могла понять, зачем нужен этот 16-часовой рабочий день, когда люди спят всего по 4 с лишним часа в сутки изо дня в день? Моя рабочая версия – просто усталыми запуганными людьми легче управлять. Потому что на норму выработки это никак не влияет.

- А что вы сейчас шьете?

- Это черная одежда для полиции с красным кантом.

- Что сказал Куприянов после того, как вы попросили его о 12-часовом рабочем дне?

- Я говорила ему о том, что люди работают 16 часов в сутки, соответственно очень нервная обстановка, и я не считаю это адекватными условиями, что это плохо в том числе и для меня. Он говорит: - Хорошо, я сделаю так, что с понедельника (разговор был в пятницу) твоя бригада будет выходить до 4 часов дня, но в таком случае ты должна понимать, что плохо тебе тогда уже не будет, потому что на том свете плохо не бывает. Это его слова.

- Вы восприняли это как угрозу?

- Естественно, я приняла это как угрозу. У меня есть основания воспринимать это именно так. Был еще очень важный для всей этой истории эпизод майский. В мае мной также были предприняты попытки как-то разобраться с тем, что происходит в колонии. Моим адвокатом Дмитрием Динзе была направлена жалоба в Генпрокуратуру на колонию, на условия жизни и труда в колонии. И направлена она была как раз в тот момент, когда я находилась на Потьме, я была на суде, участвовала в суде, в своем первом суде по УДО. Когда я вернулась сюда, где-то в районе десяти дней на меня было оказано страшнейшее давление.

- Как это происходило?

- Когда я приехала сюда, у меня был совершенно какой-то невозможный обыск, которого ни у кого и никогда не было, меня досматривали сотрудники, помимо обычных младших инспекторов, которые это делают, туда пришли все сотрудники оперотдела и отдела безопасности, и сам лично Куприянов пришел. В то время, когда я перебирала вещи, он сделал мне замечание, почему я с ним не здороваюсь.

Это повод для взыскания, но взыскание не было объявлено. Однако всю эту ситуацию я считала как некоторое недовольство ко мне со стороны администрации. Я сразу не поняла, почему это произошло, думала, может быть, это связано с моим выступлением на суде.

- А почему вы отказались весной от адвоката Динзе?

- Я отказалась от него вследствие массивного давления, которое было на меня обрушено в связи с жалобой, направленной Динзе на условия содержания в ФКУ ИК-14. Буквально с первых моих дней возвращения в колонию с суда мне сразу дали понять, что все изменилось очень сильно для

меня в колонии и никогда не будет так, как раньше, а будет гораздо сложнее. Почему я отказалась? Потому что начали оказывать давление непосредственно на моих близких людей, и я поняла, что если я не прекращу эти контакты с человеком, который раздражает администрацию (а мне говорилось об этом, что именно этот адвокат нам очень сильно не нравится), то мои близкие люди будут продолжать страдать.

- Сейчас этот адвокат вернулся к вам?

- Да, это так. Сейчас у меня два адвоката - Хрунова и Динзе. Мое молчание нарушено, поскольку я поняла, что какими-то мирными переговорами... Как говорили мне в мае: "Зачем ты выносишь это туда, дальше, мы можем обо всем договориться здесь. Если тебе что-то не нравится, ты приходишь, жалуешься на что-то, говоришь нам, мы это исправляем". Но я поняла, что это не будет работать.

Я могу выдержать обыск, потому что у меня нет ничего запрещенного. Но было начато оказание давления на тех людей, с которыми я когда-либо имела общение в колонии. Администрация колонии попыталась тем самым меня оградить от какого-либо общения.

- Какого рода давление и на кого оказывалось?

- Это либо угрозы рапортом, либо это непосредственно рапорт. В частности, давление таким образом оказывалось на руководителя библиотеки, осужденную Светлану Розенраух, которой я когда-то сдавала книги. Я говорила об этом в интервью вам в декабре.

- Я видела эти книги, которые вы из СИЗО привезли.

- Да. Но Розенраух было сказано, что от меня принимать нельзя ничего, только, может быть, журнал «Мурзилка» и то с опаской. За прием этих книг угрожают на нее написать рапорт. Я с ней встретила, она сказала, что всё, что на нее пишется рапорт, что она больше не будет со мной общаться, что я создаю ей проблемы. С тех пор мы прекратили какой-либо контакт с ней.

- Официально нельзя написать в рапорте на Розенраух, что она приняла от вас книги. Это значит должен был быть какой-то другой повод?

- Нет, повод именно этот, потому что они там хватались за какое-то неправильное составлению ею бумаг в приеме этих книг.

Сейчас, когда я произношу ее фамилию, я не могу исключать, что на нее не будет оказано давление в связи с тем, что администрация увидит то, что я называю фамилию в беседе с вами. Поэтому, если возможно как-то проследить этот момент, то мне бы хотелось, чтобы вы проследили за тем, чтобы никаких несанкционированных действий в ее адрес после этой беседы не поступало.

Естественно, я практически уверена в том, что если вы сейчас пойдете к Розенраух, сама она не подтвердит это по тем же основаниям, что она не хочет проблем с администрацией. С тех пор мы с ней не пересекались.

- И вы никакие книги больше в библиотеку не сдавали?

- Нет, я не сдавала никаких книг в библиотеку. С тех пор книги я относила на кочегарку, потому что люди боялись брать от меня книги.

- В кочегарку, чтобы книги сжечь в печке?

- Да. Я просто понимала, что если я их буду передавать каким-то осужденным, во-первых, они сами этого не хотят, они не хотят проблем; во-вторых, если все-таки кто-то их возьмет, примет, то у него будут проблемы.

Пресс-отряд

- Второй эпизод давления на людей, с которыми я общаюсь, это эпизод с осужденной нашего отряда Еленой Сорокиной. Мне бы дико не хотелось, чтобы у нее были какие-то дополнительные проблемы. Она такая интеллигентная женщина лет 50-ти. Никогда никаких проблем администрации она не создавала. Единственной претензией к ней было то, что она читает со мной мои книги и изучает правила внутреннего распорядка вместе со мной. Ее вызвали к оперативникам, сказали, что в том случае если она дальше будет изучать закон вместе со мной и обсуждать его вместе со мной, то мы повесим на вас «полосу», то есть профучет - дезорганизация, склонность к дезорганизации. Это просто за то, что она читает со мной правила внутреннего распорядка. Мы обсуждали, в частности, такой момент, как запрещение в нашей колонии передвигаться без сопровождения. В правилах внутреннего распорядка написано о том, что осужденный имеет право передвигаться по колонии с разрешения администрации без сопровождения. Если тебя вызвал цензор, ты можешь прийти к цензору для того, чтобы получить письмо, и совершенно необязательно

ждать для этого конвоя. У нас же в колонии режим ужесточен в этом смысле, и каждый раз, когда нужно передвинуться, допустим, в медицинскую часть или к цензору, то мы должны ждать сопровождения. Эти условия фактически создают строгие условия содержания, потому что согласно правилам внутреннего распорядка передвижение по колонии в присутствии только конвоя создается лишь для тех осужденных, которые содержатся в строгих условиях содержания. И вот ровно это мы обсуждали с ней.

Дело Pussy Riot: хроника задержаний

Также мы обсуждали целесообразность здороваться с сотрудником каждый раз, когда он проходит мимо тебя. Если ты находишься в одном с ним месте, скажем, в одном помещении, то здесь администрация требует, чтобы каждый раз, когда этот сотрудник подходит к тебе, ты с ним здоровалась. Если ты это сделала минуту назад, то какая целесообразность делать это еще раз?!

В итоге Елену Сорокину перевели в 3-й отряд. Третий отряд – это красный отряд. Это отряд, где старшиной является Людмила Княгинина, тоже женщина-выходец из 2-й колонии, сидящая уже достаточно давно. И, как

называется в колонии у нас этот отряд, это секта, сектанты. Им запрещается старшиной беседовать с кем-либо из колонии, с другими осужденными, и они делают это с опаской, если они это делают.

Со мной лично никто из них никогда не общался, видимо, насчет меня у них особый запрет. В этом отряде практикуются телесные наказания, в первую очередь за неотшитую норму выработки. Отряд контролируется двумя людьми – это Людмила Княгинина и ее сестра Катя Княгинина, которая находится с ней в одном отряде.

Некоторое время эта Екатерина Княгинина была мастером, то есть начальником на швейном производстве для осужденных в их отряде, и побои практиковались достаточно часто.

В том числе я слышала от многих осужденных, практически вся зона мне рассказывала эти вещи, и я думаю, что нет оснований не доверять. В 2012 году, в прошлом году, был случай с цыганкой, мне назвали ее как Елена Оглы. Она умерла от побоев. Ее очень долго и упорно избивали, она была в этом пресс-отряде.

- А за что ее избивали?

- Я не знаю, за что. Вероятно, по какой-то причине она попала под пресс. Она либо не выполняла норму выработки, либо это была какая-то личная причина. А по личной причине очень легко создать ситуацию, что человек не выполняет норму выработки. Это создается очень легко, просто одним щелчком пальца мастера, который имеет право менять операции осужденным, и он дает ей ту операцию, которую она никогда раньше не выполняла, какую-нибудь сложную операцию.

Естественно, она не будет ее отшивать, потому что здесь нет никакой системы профессионального образования, что тоже является нарушением, на мой взгляд. Я говорила об этом начальнику еще летом этого года, но он сказал, что он любому моему адвокату докажет, что у них все по закону в этом смысле. Но вот как я вижу из Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, там должно быть обязательно начальное специальное образование для осужденных, чтобы они могли выполнять определенные операции. Начальник же мне сказал, что у нас происходит обучение без отрыва от производства. Но, как гласит та же самая статья УИК РФ, что обучение без отрыва от производства происходит лишь для тех

осужденных, которые отбывают пожизненный срок наказания. Поскольку мы не отбываем пожизненный срок наказания, значит можем думать, что нам какое-то другое образование должно предоставляться, которое нам не предоставляется.

Соответственно мы можем исполнять лишь те операции, которым нас научили, когда мы приехали, и больше ничего мы не умеем делать. Естественно, кто сидит больше, он что-то умеет делать больше. Любому можно найти операцию, которую он не делал. Так вот, Елена Сорокина попала ровно в ту ситуацию, ей дали ту операцию, которую она не умела, и вполне естественно, на нее пошло сильное давление. Я не могу сказать вам точно, били ее или нет, ну мне она ничего не говорила, что ее именно били, но чисто психологическое давление на нее оказывалось очень сильное...

Людмила Княгинина, дневальная 3-го отряда:

- Обязанности дневальной – это построить отряд. Подъем у нас в 6.00. Зарядка. Зарядка идет 15 минут. Потом завтрак у нас идет. Построить отряд на завтрак, отвести, после завтрака обратно в отряд. На развод. Потом на обед и на ужин. Дневальная я уже пять лет. На

швейном производстве женщины работают по восемь часов, больше никогда не работают. Если захотят переработки, бывает некоторым осужденным, может, заработать им надо, хочется самим. То есть они как бы по собственному желанию заявление пишут. А так, чтобы заставляли, нет.

Я уже сижу девять с половиной лет. Меня в 20 лет посадили. Срок у меня 15 лет, за убийство. Я надеюсь на УДО. У меня в 2014 году начинается. Как бы у меня нарушений тут нету.

Я вообще спортсменка, я всю жизнь занимаюсь спортом. Я мастер спорта по восточным единоборствам - самбо, тэквандо. Карате занималась два года. Ну это в основном просто борьба, как бы идет не рукопашный бой, а просто борьба. В школе в девятом классе была капитаном команды по баскетболу, бегала за Ульяновск в областных соревнованиях по легкой атлетике на короткие дистанции. У меня рост 176 см. Я тренировалась в Ульяновске, в спорткомплексе. Я просто люблю физические нагрузки. Я просто любила с пользой время свое тратить, на здоровье, допустим. Я не воспринимаю нормально наркотики, алкоголь, не понимаю.

Допустим, родители для меня в моей жизни большое имеют значение. Здесь моя родная сестра вместе со мной сидит в одном отряде. Но она болеет сильно. У нее ВИЧ-инфекция. Она за наркотики сидит.

Когда новенькие в колонию приходят у них сразу как-то это, какая-то защитная реакция, что ли, я не знаю, как-то грубо себя ведут, ну дерзко, нагло. Я говорю: "Не надо так». Они слушаются меня. Чтобы я объясняла, и они не понимали? Нет, такого не происходило. Боятся ли они меня? Ну, знаете, я как бы умею разговаривать, я люблю общаться, я люблю вообще психологию человека. Я закончила физкультурное училище, я вообще учитель физкультуры, педагог, у меня есть подход к людям, нас учат общаться. Вы заметили, у меня внушающий вид? Я здоровая. Просто я не знаю, может, у меня габариты такие, не знаю. Но я бы не сказала, что они боятся меня. В основном уважают, потому что я стараюсь, если где-то как-то, что-то объяснить. Я сижу давно. Ну я могу как бы серьезно сказать, но в основном не происходит таких моментов, чтобы надо было кричать.

В детстве обычно детей чем-то пугают – бабайка, баба Яга. Могу повесить голос.

Ну допустим, когда или не хочет убираться в отряде, или просто, допустим, кружка грязная. Ну надо просто смотреть за этим, чтобы убирались, каждый за собой чтобы убирал. Есть девочки, которые за цветами смотрят. Бывает, конечно, некоторые вот вредят как бы. Кинут фантик и уйдут. Я слежу, чтобы была чистота. Что наш отряд называют пресс-отрядом? Я в курсе. Мне это неприятно как бы, меня это обижает.

В отряде сейчас 61 человек. Я вот, допустим, это вообще не люблю – ни сплетни, ни интрижки какие-то там, друг на друга когда жалуются или еще что-то. Я это не понимаю.

Сейчас кормят нормально. Да, мясо дают. Бывает говядина, вчера была свинина, и курица бывает. И рыба. Рыба постоянно, скумбрия. Бывает, жареную дают. По праздникам нам дают, когда там Пасха, допустим, куличи тоже освященные, все как бы в этом плане.

Сейчас хорошо. То есть раньше, допустим, бычки собирали осужденные, сейчас такого нету. Раньше так было. Сейчас нету такого.

Допустим, вот честно скажу...Толоконникова. Насколько я, допустим, знаю, просто, наверное, это все-таки пиар. Я не хочу ни обидеть ее, ни поддержать, просто я не

считаю, что это нормально прославиться именно так вот. Что она голодовку сейчас объявила. Она молодая. Просто она очень молодая. Мне кажется, она... ну еще просто к ней внимание такое, как бы человек это чувствует, но она избалована маленько чуть-чуть. Она еще очень молодая, я так думаю, и просто у нее еще свое как бы играет, может. Я думаю, на самом деле, может, она по чьей-то просьбе, воздействием... Не воздействием, я неправильно выражаюсь, но это просто пиар. Ну я не знаю, я не понимаю такие вещи. Сейчас это модно. Я не осуждаю, мне все равно. А мы с ней даже ни разу не здоровались. Мы с ней не знакомы. То есть я знаю, что есть такая... А если бы она к нам в отряд попала, я бы ей как-то смогла что-то объяснить, я бы сказала свое мнение. В плане голодовки я даже не могу понять, почему так вообще. Как бы она общалась, у нее было какое-то здесь общение, насколько я знаю. И почему так резко просто? Как бы все было нормально. Тем более я, конечно, не знаю, она человек из провинции, из Норильска. И, может, бывает так у кого-то, так теряет голову на самом деле, потому что вот именно, как бы вот так скажем, идет уже звездная болезнь или что, я не знаю... Я вообще не слышала, что Pussy Riot есть такая группа и интереса как бы такого... Я не вижу

ничего особенного в ней, ну девчонка и девчонка.

Тяжело, конечно, без родительской поддержки. Кого-то я и понимаю, конечно, но сюда нас никто не звал. И кажется, что сейчас бы многие вещи сделала по-другому вообще. Школа неплохая, но срока очень большие, конечно, сейчас дают женщинам.

Когда выйду я буду заниматься бизнесом. Ну сейчас как бы у меня мыслей много.

Вообще я так думаю тоже открыть свой сайт, я умею делать, я получила здесь образование механика, я прекрасно делаю машинки швейные. То есть без проблем любую машинку могу с корпуса всю сделать. Я могу также машину водить или еще что-то. Конечно, не грузчиком или полы мыть. Научилась я здесь и строить, ну в смысле строить – могу зашпаклевать, еще что-то. Я комендантом поработала, то есть я в этой сфере тоже понимаю. У меня проблем ни в чем нету на самом деле.

Женщины тоже могут как бы все делать сами. Я не боюсь этой жизни, я хочу жить. Просто меня в 20 лет посадили, и я жду, очень хочу домой, и, главное – чтобы мама

дождалась. Самое страшное, если мама не дождется.

Елена Хромова, 2-й отряд:

- Я четыре года почти была в третьем отряде. Ну рапорт был. Ну там за обувь. Потому что я сказала, что она не валяется, а стоит. И всё. За это в 3-й отряд. Старшина словами объясняла. Княгинина. Ну просто голос такой у нее, конечно, боялись. Она повышала голос. Страшно. Если честно, да, боятся ее. Потому что она здоровая. Я работаю до четырех, в четыре ухожу. Если захочу, если мне шить есть что-то, я останусь до восьми.

Надежда Толоконникова, 7-й отряд:

Мы не имеем права посетить туалет...

- А вы какую делаете операцию в швейном цехе?

- Я делаю установку контрольной строчки прикрепления шлевок (это для ремня) к поясу. И вторая моя операция – это вытачки на брюках.

- Надя, а сколько вы обычно получаете? В июне вы получили 29 рублей, а за июль сколько вы получили?

- Я не помню, сколько я получила за июль. Я хочу сказать, что последние пару месяцев, наверное, август-сентябрь, не знаю, с чем это связано, нам стали платить зарплату, которая даже имеет некоторое отношение к МРОТу. В районе 1300 у меня зарплата, то есть со всеми вычетами. До этого зарплата была разная – от 29 рублей до 200 рублей (Зарплата Толоконниковой Н.А. за январь 2013 г. – 102 руб. 70 коп., за февраль – 215 руб. 27 коп., за март – 453 руб. 31 коп. – Е.М.)

- А вас били за это время, Надя?

- Нет, меня не били.

- А другие осужденные женщины не пытались как-то физически на вас воздействовать?

- Нет, они боятся этого, они понимают, кто я. Но они неоднократно мне говорили, что если бы я не была Толоконникова, меня бы избili. Поскольку все-таки я, скажем, не Елена Оглы из третьего отряда, про которую никто не скажет в том случае, если у нее будут побои, у которой, может быть, нет родственников и адвокатов, которые не заступятся за нее. В начале сентября этого года была попытка разрушить мое статус-кво.

- Каким образом?

- Травлей. Травлей со стороны этих людей, осужденных, опять же которые занимают определенные места в иерархии в моем отряде. Это старшая дневальная и мастер. Эти действия последовали сразу за моей беседой с Куприяновым 30 августа, и буквально в течение нескольких дней стали разворачиваться эти события. Происходили отрядные собрания, на которых говорилось женщинам о том, что они будут наказаны до тех пор, пока они не научатся правильно вести себя с Толоконниковой и с новенькими.

- А вы не были на этих собраниях?

- Я была на этих собраниях. Это при мне говорилось. Говорили старшая дневальная Ладина Екатерина и мастер старшая «ручница» Спирчина Альбина, то есть это та женщина, которая следит за пошивом, распределяет операции, за тем кто сколько шьет. Создавалась специально очень напряженная обстановка в отряде, нам запрещалось заходить в пищевую каптерку, то есть брать свои вещи, чтобы есть их; запрещалось заходить в кухню для того, чтобы налить себе чаю. На производстве у нас были убраны перерывы на туалет, на перекур.

- А сколько перерыв обычно?

- Приходим где-то в 7.30, перерыв в 9.45, следующий перерыв у нас связан с походом в столовую, это обед, где-то в 12.20.

- А без перерыва можно посетить туалет?

- Нет, мы не имеем права посетить туалет, в противном случае будет составлен рапорт.

- А если очень сильно хочется?

- Ну, можно на свой страх и риск это сделать – выйти из цеха, но если вас встретит сотрудник администрации, он составит на вас рапорт за то, что вы вышли из цеха в неположенное время. И соответственно эти перерывы были убраны – 10-часовой перерыв, перерыв на обед, также мы не могли сходить покурить. Ну, естественно, мы украдкой это делали, потому что это невозможно не делать вообще. Ну так формально сказали, что даже когда вы идете на обед, вы не должны иметь перекуры. Потом дальше идет перекур в 16 часов, перерыв в туалет, он тоже был убран. Было запрещено пить что-либо в цеху. Во время перерыва, перекура нам разрешено пить чай, съесть конфету, но так же, как в отряде, на это время нам было запрещено делать это на производственной зоне.

Может быть вольному человеку покажется, что это все какие-то не очень важные вещи, вот этот чай, но для осужденного, который трудится по 16 часов в сутки, это имеет очень большое значение, потому что многие только и спасаются чаем.

- А в декабре, когда я с вами встречалась, вы уже работали по 16 часов?

- Я лично работаю 8 часов всегда, потому что администрация по отношению ко мне соблюдает вот эти 8 часов. Дело в том, что когда я заехала на карантин, я имела беседу с начальником этого учреждения, и я ему сказала сразу о том, что я буду работать только 8 часов. Я не знаю, возымели ли мои слова действие, либо то, что все-таки я нахожусь на виду. Лично я работала только один раз больше 8 часов. В самом начале моей деятельности здесь осужденные сказали, что мне нужно еще поучиться пошить.

- Надя, на производстве конвейер, если вы работаете 8 часов, а остальные в вашей бригаде работают по 16 часов, то кто делает вашу операцию, когда вы уходите с работы?

- Это очень отдельный сложный вопрос, который я тоже пыталась выяснить с администрацией учреждения, потому что у меня были очень большие проблемы в связи с

этим. Дело в том, что эту работу никто не должен выполнять, они все шьют то, что они должны шить, и они еле успевают сшить то, что они должны. И, естественно, никто не горит желанием шить за меня. Поэтому то, что я должна сшивать, оно копится. Я прихожу утром, в 8 часов утра или в половине восьмого, и эта гора вываливается на меня.

Соответственно я должна очень быстро это отшить. Это вызывает раздражение у тех, чья операция следует за моей, это вызывает раздражение старшей «ручницы» Спирчиной Альбины, и по этой причине у нас с ней отношения всегда были очень плохие. Она мне всячески пыталась препятствовать к выходу на перекур, потому что она говорит, что ты и так работаешь мало, 8 часов здесь считается мало. Для них это все равно, что прийти и уйти, вот так заглянуть и помахать ручкой.

- Надя, а почему другие осужденные женщины соглашаются работать по 16 часов? Нужны деньги или они боятся отказать администрации?

- Они боятся отказать, естественно, вопрос только в этом.

- А сколько они получают? Вы получаете 1300 рублей в последние два месяца.

- В последние месяцы они получают столько же.

- То есть вы работаете 8 часов, они работают 16, а зарплата одинаковая?

- Зарплата одинаковая, да. Так и есть. На зарплату это никак не влияет. Зарплата зависит от процента выработки, но никак не от количества отработанных часов. Последние несколько месяцев мне, по непонятным мне причинам, ставится нормальный процент – это 100 процентов, 105 процентов. А я просто шью, как шила раньше. Но раньше за то же самое мне 30 процентов ставили, а сейчас мне ставят 100 процентов. Я так подозреваю, что это связано с тем, чтобы заставить меня замолчать. Потому что у меня стало возникать все больше и больше вопросов на тему того, как я могу выполнять эту норму выработки в восемь часов. Я даже приходила к начальнику и просила оставить меня хотя бы еще на 12 часов рабочих, потому что у меня были настолько серьезные конфликтные ситуации на промзоне в связи с тем, что я работаю в два раза меньше, чем они. Естественно это их раздражает, они не хотят шить за меня, и обстановка была очень сильно накалена. И я

просила, для того чтобы у меня не было этих психологических воздействий на меня оказано, дать мне работать хотя бы 12 часов, если вообще хотите, чтобы я сшила эту норму выработки. Но начальник учреждения мне сказал, что я еще недостаточно исправилась для этого, и вообще от меня поступало слишком много жалоб, поэтому они никак не могут дать мне такой возможности.

Я считаю, что все-таки корень всех зол – это именно норма выработки. Администрацию этой колонии я обвиняю в первую очередь в том, что они возомнили себя хозяевами некоторого маленького рабовладельческого государства, и эта колония является не исправительной колонией, а трудовой колонией в прямом смысле этого слова. И я считаю, что корень всех бед идет именно от этого: что человека здесь не считают за человека, а считается за бесправного раба. Отсюда вытекает и непосредственно с этим соседствует вот эта невозможность что-либо сказать, публично сказать. Если ты что-либо скажешь надзирающим инстанциям, тебя закусуют здесь, тебя заедят свои же. А свои же – те, кто боится администрации, и кто поэтому выполняет ее требования. У администрации же есть одно желание, чтобы люди были тихие,

спокойные, измученные, полностью подчиняющиеся ее требованиям.

- Надя, за то время, что вы здесь, всегда была работа, вы всегда шили какие-то комплекты? Или был какой-то период, когда не было работы, не было заказов?

- В конце марта в течение двух недель не было заказов. В рабочее время мы выходили на промзону, но мы помогали другим бригадам «зачищать», то есть обрезать нитки, но собственной работы у нас не было. За исключением этих двух недель мы всегда работали. После этого колония подписала большой контракт на пошив полицейской формы одежды, поэтому сейчас мы будем точно обеспечены работой всегда. Но так ли хорошо это? Просто еще раз повторяю и сделаю акцент, что именно норма выработки администраций заставляет, вынуждает заключенных к тому, чтобы выходить работу. Они бы с удовольствием работали 8 часов, с великим удовольствием, или хотя бы 12 часов. Они неоднократно просили меня об этом – сделать что-то с этим. Но если бы норма выработки была меньше и не было таких произвольных повышений (со 100 комплектов

до 150, например), то я уверена, что они могли выполнить норму за 8 часов, и они могли бы тогда заниматься каким-то самообразованием, может быть, письма родным писать, близким, может быть, духовными вопросами своими заниматься. Сейчас они не могут этим всем заниматься.

- Надя, а в воскресенье вас заставляли работать?

- Ко мне приходят осужденные моего отряда, которые имеют некоторые, скажем, высокие должности в силу своих контактов с администрацией и в силу специфической должности, как, допустим, старшая «ручница» (они могут распределять наши места работы и все прочее, это то, что на блатном языке называется "шерстяные") и они просто кладут тебе листок, и у тебя нет возможности не написать заявление о работе в воскресенье. Когда я приехала только, я спрашивала: "А что будет, если я не напишу?" Мне говорят: "Будет наказана вся бригада из-за тебя".

- В итоге вы писали?

- Я писала заявление каждое воскресенье, да.

- А как будет наказана бригада?

- Будет наказана отсутствием пищи, туалетов, перекуров.

Ксения Иващенко, 7-й отряд:

- Меня перевели в этот отряд, мы познакомились с Надеждой Толоконниковой и стали общаться с ней. То, что она говорила, что здесь ненормированный рабочий день... Он нормированный, но у нас здесь существуют заявки, они до часу ночи, бывает до трех. Воскресенья у нас в последнее время вообще не стало. Раньше было хотя бы два раза в месяц в воскресенье не работали, а сейчас нет, вот после Нового года так. А как мы скажем, что мы не хотим работать в воскресенье?! Если администрация давит на мастеров, на старшин, а мы ничего не можем сделать. Ко мне люди подходят и говорят большое спасибо, передай Наде Толоконниковой, пожалуйста, большое спасибо. Все боятся сказать, потому что до этого с нами разговаривали люди, ну администрация, говорили, что у нас все хорошо. У нас не вывели бабушек на работу, у нас бабушки тоже работают. Второй отряд – одни старушки там пенсионного возраста. Вчера и сегодня нет.

Вас ждали, комиссию, какой выход на работу?!
Сейчас они в отряде.

По поводу зарплат. Самая высокая зарплата у нас 1300, это 100-процентная зарплата, это считается очень хорошая зарплата. А в основном 250-500 рублей, 700 рублей, со всеми вычетами за коммунальные услуги. А какие коммунальные услуги здесь? Тут нет никаких коммунальных услуг по большому счету. В отрядах нет воды частенько. Вот трехэтажка стоит, все три этажа без воды. У нас первый, теперь это седьмой, отряд там находится, где жила Надя на первом этаже. Ну к вечеру вода включается. Да, холодная, конечно. О горячей тут вообще никакой речи не может быть.

Машинки швейные. Моторы. Они там древние такие, они старые, они, мне кажется, старше даже моей мамы, вот эти моторы. Работаем получается, с 8 часов утра и до 12 часов ночи. Каждый день. И в воскресенье.

Они все боятся за свое УДО, их это останавливает. Почему они молчат, почему они все улыбаются и говорят, что все хорошо – потому что они боятся не уйти просто по УДО. А какая здесь уходимость людей. Очень маленькая, очень.

Поощрение здесь очень тяжело получить. Здесь рапорт быстрее получить, чем поощрение. Рапорта пишут за мытье в отряде, помыла голову, зашел дневальный, ты с мокрой головой стоишь - всё, на тебя рапорт составлен – мытье в неподобающем месте. Про стирку вообще ничего не говорю, стирать нельзя, на батареях сушить тоже нельзя, ничего нельзя. На улице сушим. Вот оно у нас висит уже несколько дней мокрое, честное слово.

Надю поддерживают с ее голодовкой. Но присоединиться боятся. Кто-то, конечно, говорит: "Вот, она там пиар устроила". Клеветают просто на человека. Человек действительно хочет помочь обратить внимание на эту проблему. Она как самурай, все за нее переживают девчонки, как она без еды там.

Надежда Толоконникова, 7-й отряд:

Этот мой жест, он совершенно безумный...

- Надя, начальник ИК-14 Кулагин, как сообщалось в Интернете, пытался взять у вас предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по статье 306 УК РФ. Что это за история, расскажите, пожалуйста.

- Это случилось два раза. Первый раз мне было объявлено официальное предостережение. Я просила копию этого официального предостережения, мне не дали эту копию. Более того, у меня вырвали эту бумагу из рук, когда я пыталась прочесть более внимательно. Поставили камеру передо мной и сказали, что я должна эту бумагу прочесть вслух перед камерой. Я отказалась это делать, потому что я не поняла в связи с чем я это должна делать вслух. Я говорю: «Я могу это прочесть самостоятельно, и я умею читать про себя». Тогда Светлана Васильевна Жаткина, оперативница, которая присутствовала при этом всем, говорит: «Тогда мы будем составлять акт об отказе от распоряжения администрации». Я говорю: «Хорошо, составляйте акт». Ну акт - это рапорт, который влечет за собой нарушение, объявление взыскания какого-либо. Это было первый раз, когда я прочитала вот это официальное предостережение о статье «клевета». В тот раз Жаткина при всех назвала меня врунишкой. Я сказала, что в таком случае та же самая «клевета» может быть применена и по отношению к ней, потому что то, что я говорю и пишу в своих заявлениях, является правдой.

И второй раз это произошло 23 сентября, в тот момент, когда начальник учреждения помещал меня в «безопасное место», и также с меня пытались взять вот эту роспись под официальным предостережением о статье «заведомо ложный донос». «Почему вы это делаете?» - я спросила. – «Мы надеемся, что ты пересмотришь свои взгляды, и ты поймешь, что ты ошибаешься. Ты поймешь, что можешь нести за свои действия уголовную ответственность, и поэтому мы обязаны тебе предоставить это официальное предостережение».

- Можно я уточню какие-то фамилии из вашего письма? Вы говорите, например, о женщине, которая попросила выйти в жилзону...

- Это была тоже Сорокина. Просто я не знаю, как им обеспечить безопасность в связи с тем, что их фамилии произносятся здесь. Я не знаю как, но мне бы очень этого хотелось. Потому что я боюсь, что ее просто убьют здесь, тем более она находится в таком пресс-отряде. Там действительно ей существует реальная опасность. Я говорила про вот эту Елену Оглы, которая умерла от побоев, а написали то, что она умерла от ВИЧа или инсульта, ну в общем причина была какая-то другая совершенно указана. И родственники не могли ничего с

этим сделать, потому что здесь все полностью покрывается. Поэтому я реально имею основания переживать за эту женщину.

- Надя, вы дальше пишете: во втором отряде, которая отморозила себе руки и ноги.

- К сожалению, я не помню ее фамилию, но я общалась с ней лично. Я думаю, что ее можно узнать, она такого очень худощавого телосложения, без одной ноги, на костылях передвигается. Но дело в том, что, скорее всего, она опять же не сможет сообщить какой-то истинной причины, потому что мы с ней разговаривали на эту тему. Я говорю: «Ты не хочешь заявить об этом? Потому что это вопиющий случай».

Она говорит: «Я хочу подать на них в суд, но я сделаю это после того, как освобожусь». Ей осталось сидеть что-то в районе года. Сейчас она пыталась освободиться по УДО, но ей это не удалось, потому что администрация ее очень не любит, ее периодически сажают в ШИЗО, несмотря на ее инвалидность. У нее был случай с переводом ее из пятого отряда во второй. В пятом отряде была женщина, которая ей помогала. И она пыталась вернуться обратно в пятый отряд, потому что

ей там никто помочь не мог, там и так все инвалиды и пожилые во втором отряде. И она написала заявление Куприянову. Куприянов ее не вызывал, не вызывал, не вызывал, в течение месяца он ее не вызывал. И тогда она решила просто встать, самой пойти к нему. Она пришла к нему, изложила доводы, почему она хотела вернуться в пятый отряд. И тогда он ей сказал, что ничего изменено не будет, напротив, мы тебя сейчас поместим в ШИЗО, потому что ты пришла ко мне, к администрации, без разрешения, соответственно есть основания для взыскания. И ей дали взыскание и посадили в ШИЗО.

- Надя, дальше вы пишете, что бьют по лицу, по почкам. Фамилии можете назвать кого-то?

- Я не могу называть фамилии этих людей, потому что именно в моем отряде, если побои есть, то они несильные, они имеют скорее такой косметический характер, то есть там могут заехать по лицу. Это делают сами осужденные. Сама администрация в этом учреждении, насколько мне известно, не допускает никаких телесных побоев, все делается руками осужденных. Ну вот недавний случай известен: в седьмом отряде избили девочку новенькую, она приехала не так давно сюда, в районе трех недель она присутствует в

этой колонии. Она находится в отряде № 7 и шьет в бригаде старшей «ручницы» Симоновой. За то, что она не научилась быстро шить, ее избивали сами женщины-осужденные.

- А фамилию ее знаете?

- Нет, я не знаю фамилию ее.

- Надя, давайте дальше по вашему письму: «Совсем недавно юной девушке пробили ножницами голову из-за того, что она вовремя не отдала брюки».

- Это случилось в моей бригаде, но я не буду называть фамилию, потому что ей действительно будет очень плохо, если я это сделаю.

- «Пробили ножницами голову», то есть должны были оказать какую-то медицинскую помощь ей?

- Ну, я так понимаю, что у нее было повреждение верхних тканей, поэтому решили, что ладно, само зарастет, заживет, она как-то перемотала себя и так ходила.

- Следующая история: «На днях пыталась себе проткнуть ножовкой живот».

- Не ножовкой, ножницами. Это было в соседней бригаде. Я тоже не знаю ее фамилию,

просто знаю, что этот инцидент был.

Понимаете, что в ряде случаев я действительно не могу назвать фамилии, потому что как обеспечить безопасность этим людям, я не представляю. Я несу за них ответственность, и вот ровно по этой причине я отказывалась от всех своих жалоб до нынешней поры.

- Сейчас вы не называете их фамилии, как вы тогда хотите изменить ситуацию? Вот вы говорите, что вы будете голодать, пока не изменится ситуация. А как тогда быть, если невозможно узнать в отношении кого нарушается закон?

- Понимаете, в чем дело, будут наказаны не те, кто должен быть наказан за это. Вот, скажем, эпизод с тем, что одна другой повредила голову ножницами. Просто та, которая повредила, она была доведена до ужасного состояния, психологически истощенного состояния, вымученного, когда человек превращается в животное, она была приведена в это состояние.

Еще одну женщину перевели из моего отряда в другой отряд, на другой участок, на другое место работы, в другую смену специально, чтобы я не могла с ней никак не пересекаться.

На нее был написан рапорт, тем самым у нее нарушилось УДО, она здесь в течение примерно 6 лет и очень долго шла к этому УДО.

- Фамилию можно сказать?

- А что это даст?

- Понимаете, вы говорите: просто одна женщина, такая женщина, это не факты.

- Ну а что это даст? Что вы сделаете? Просто сейчас я назову ее фамилию, у нее сейчас по-прежнему идет УДО, и у нее есть хотя бы какая-то надежда уйти по этому УДО. В том случае, если я сейчас публично назову ее фамилию, то на нее будет написан еще десяток рапортов, и она точно не уйдет по УДО. А конец срока у нее наступает только в конце следующего года. Как мне быть? Я понимаю, о чем вы меня просите, но здесь я не могу ворочать судьбами людей, ровно по этой причине мне пришлось оставить свою жалобу в мае, когда я их первоначально подала, потом мне пришлось их просто оставить в связи с тем, что ломали судьбы людей у меня на глазах и это происходило из-за меня.

- Надя, еще вы пишете: «Близкие к начальству осужденные стали подстрекать

отряд на расправу». Можете назвать фамилии этих женщин?

- Я называла, это Спирчина и Ладина. Они говорили, что вы будете наказаны до тех пор, пока не научитесь себя правильно вести. А как правильно себя вести? Как вели себя с вами «старосиды». Надо бить – бейте. Куда она пойдет жаловаться? Вам ничего за это не будет, никуда она не пойдет жаловаться, не посмеет. На меня орали, на меня оказывали психологическое воздействие, потому что они пытались хоть как то отработать тот заказ, в том числе те люди, с которыми я в нормальной жизни имею вполне пристойное общение, они просто срывались, на меня орали, потому что они вынуждены были это делать. Таков был приказ со стороны вышестоящих осужденных. Если бы они этого не делали, то соответственно им бы просто не давали мыться. Но что касается физических действий, их не было.

Ни единой конфеты мной не будет съедено за время голодовки....

Сотрудница ИК-14: У нас обед. Вы возьмете обед?

- Надя, вы возьмете обед?

- Я обязана его брать и два часа держать его здесь. Этот обед не имеет никакого отношения к тому, который нам дают в столовой.

- Этот обед лучше?

- Гораздо. Обычно дается, может быть, четвертая часть этой рыбы и хлеб, но только хлеб здесь свежий.

- Надя, вы голодаете, вам приносят еду, вы ее пакетом накрываете... Это чтобы запах не чувствовать?

- Мне бы очень хотелось узнать, действительно ли еда должна у меня стоять в течение двух часов? Естественно, это доставляет мне некоторые неудобства. Мне даже сказано, что если я буду выливать эту пищу или выбрасывать, то они признают, что я не голодаю, как будто я ее съела.

- Когда вам приносят еду, тяжело совладать с собой? Есть хочется?

- Мне очень хочется есть, но мне не тяжело совладать с собой, в том смысле, что меня не тянет к этой еде, схватить ее поесть, потому я понимаю, что это некоторое обращение сатаны ко мне. Потому что я понимаю, что если я закончу голодовку без удовлетворения моих требований, соответственно тогда все осужденные и я будут еще больше поражены в

правах, чем раньше. Потому что это будет сигнал представителям администрации о том, что можно сломать любого осужденного, который попытался заявить о своих правах и правах других. Поэтому у меня даже не возникает никакого желания что-либо взять. Мне вот специально принесли сюда все мои пищевые баулы, в частности, видимо, для того, чтобы меня как-то спровоцировать на то, чтобы я употребляла пищу. Однако я не буду этого делать, ни единой конфеты мной не будет съедено за время голодовки.

- А здесь голодал кто-нибудь при вас?

- Нет, что вы. Здесь никто при мне не отправлял ни одной жалобы куда, потому что здесь настолько все схвачено, настолько все боятся, они понимают, что им здесь проводить какие-то срока. Этот мой жест, он совершенно безумный. Что со мной будет дальше, никому неизвестно, но они все считают, что это безумие. Они поддерживают меня, большинство поддерживает, но они понимают, что это чуть ли не подписание себе смертного приговора – такого рода действия.

- Накануне объявления голодовки, вы в своем отряде с кем-то советовались?

- Я говорила некоторым, но очень маленькому количеству. Они сказали, в том случае, если на

тебя будет оказано давление во время твоей голодовки, если мы поймем, что тебе очень плохо и с тобой плохо обращаются, то мы объявим голодовку поддержки.

Ульяна Балашова, СУС:

- Изначальной причиной, что я попала в СУС было написание на меня рапортов, актов о нарушении режима содержания о том, что я выступила 6 июня 2013 года на Дне вопросов и ответов. Это было в ИК-13. Я высказалась против рабочих воскресений Кулагиной Светлане Ивановне, замначальника УФСИН по Республике Мордовия, она зам. Симченко. Ни я, ни все находящиеся в колонии, никогда не подавали добровольного заявления, чтобы работать в воскресный день. Более того, нам не предоставляются отгулы. Меня определили как злостного нарушителя. Ну здесь говорят, что полтора года я должна отсидеть без нарушений и только потом созывают комиссию и они решают – выпустить меня в обычные условия содержания или нет. Хотя странно, почему полтора года, по УИК написано, что если человек полгода не имеет нарушений, он должен быть доставлен на комиссию. Все мои нарушения были в 13-й

колонии, но там нет СУС, поэтому меня перевели сюда, в 14-ю колонию. Касаемо еды – отвратительное качество питания. Пшенка пахнет мешковиной, есть ее невозможно. Ну мясо как таковое...волокна какие-то, я не знаю, волокна и соя, мелко порубленная.

Касаемо Надежды Толоконниковой мне известно от тех людей, которые содержатся здесь, что на нее осуществляется пресс. Бить ее запретили, бить нельзя ее. Куприянов запретил, но моральное давление обязаны оказывать. И всех тех, с кем она семейничает, всех этих людей перекидывают в другие отряды.

"Семейничает" – это кушают вместе. С кем общается, запрещали общаться. Про 14-ю колонию я боюсь говорить, потому что уже приходили, спрашивали.

Вчера меня вызывали и сказали, что если на 14-ю будут какие-либо жалобы, я не вылезу из ШИЗО. Тут они ничего не боятся, потому что они понимают, что вы здесь один день.

Сегодня вы здесь, завтра вы уедете, и неизвестно что со мной будет потом. Я боюсь ШИЗО, потому что ШИЗО – это холод, ШИЗО – это здоровье. В ШИЗО мы сидим в оранжевых платьях, трусах, без носков в такой

холод, вы можете себе представить! Здесь так же бьют, только не администрация, а через осужденных. Осужденные все делают, есть пресс-отряд – 3-й отряд, там есть такой бригадир, Княгинина, она вообще тут убивает людей, можно сказать так. И сестра ее есть родная в этом же отряде. Тут им очень хорошо живется, при том что они так же дают взятки администрации. Поборами занимаются. То есть приходит тебе посылка, ты отдаешь ей какую-то часть этой посылки, а она соответственно делится с администрацией. Чай, кофе, сигареты – почему нет? Кому на работу с собой хочется таскать. Это на уровне идет администрации. Куприянов. Здесь система, понимаете, это уже устоявшаяся. У него есть свои люди в каждом отряде, их много. Потому что этим людям хочется иметь какие-то привилегии. Он им дает команду "фас" и при этом закрывает глаза на все остальное, и они делают свое дело. Хотят – гасят, хотят – не гасят. Вот и все. Гасят – это то есть морально, когда просыпаешься, в 4 часа утра тебя будят и говорят: "Иди на снег убирай". Если откажешься, - рапорт.

Толоконникову здесь вызывали, Княгинина ей сказала: "Вот тебя бы в мой отряд, в мою бригаду, я бы тебя поломала". Пресс-отряд, там сильных личностей ломают, если видят,

что в человеке есть какой-то стержень...
Княгинина роль орудия выполняет. Орудие.
Эту женщину боятся. Никто не хочет получить
по лицу. С ней никто не хочет связываться,
потому что все, что она сделает, это все
покроется администрацией, вот и все.

Надину голодовку никто не поддержал.
Никогда нет такого. Ни на одной колонии нет,
женская зона, каждый за себя, и только каждый
за себя. Каждый думает о своей попе на самом
деле. Все просто боятся. А голодовку объявить
– это же чревато последствиями. Не то, что ты
захочешь есть, а тем, что тебе потом будет. За
эту голодовку ты сядешь в ШИЗО, а за что, за
чего – непонятно. Все уже настолько свыклись
с мыслью, что бесполезно...

Надину голодовку поддерживаю, конечно,
вопросов нет, но на голодовку не сяду.

Надежда Толоконникова, 7-й отряд:

Придется терпеть...

**- Надя, эту голодовку вы обсуждали с
вашим адвокатом Хруновой?**

- Да.

- Она вас поддержала в этом?

- Адвокат – это не тот человек, который может
поддержать или нет. Она дала мне

юридические советы, для того чтобы я делала все правильно. И вы говорите, почему я сделала это именно сейчас? Я просто думала о том, с какой стороны начать действовать все лето, и в той или иной форме я общалась с представителями администрации для того, чтобы хоть как-то улучшить положение людей здесь в колонии. У меня были какие-то предложения, неформальные беседы, мое видение ситуации.

- А как, например, вы предлагали улучшить ситуацию?

- Допустим, у нас в столовой не хватало ложек, я приходила к ним и говорила, что есть у нас такая проблема. Они говорят: «Хорошо, мы ее исправим». В итоге у нас в отряде изымают ложки, переносятся ложки в столовую, и в столовой действительно ложек вдоволь, но в отряде теперь их нету. Но ничего страшного, как бы я просила же про столовую. И просто проблема в том, что здесь администрация не готова слушать заключенного. По определению считается, что заключенный должен молчать. Если ты о чем-то просишь, то делают обычно хуже – вот это главный закон. И в итоге в отряде мы без ложек.

- Вы просите в вашем заявлении перевести вас в другую колонию. Вы хотите, чтобы вас

перевели в другой регион?

- Ну я думаю, да.

- А есть колония, в которую вы хотели бы, чтобы вас перевели?

- Нет такого, просто колония, в которой адекватно соблюдается закон и есть адекватное отношение к осужденным.

- А вы знаете про такие колонии?

- Насколько мне известно, я не могу говорить про колонии, в которых я не была вообще, но адвокат мне рассказывала про ту колонию, которую она посещала не так давно, это колония в Нижнем Новгороде (ИК-2), где сейчас содержится Алехина. Там ситуация совершенно иная с правами человека. Я слышала тоже про другие колонии, я не буду сейчас их называть, чтобы не быть голословной, но я слышала от других осужденных, что хотя бы в плане рабочего дня там все гораздо более благополучно.

- Надя, скажите, пожалуйста, ваши основные требования голодовки. При каких условиях вы откажетесь от голодовки? Вы же не сможете голодать вечно?

- Я не смогу. При тех условиях, если условия труда будут соответствовать Трудовому

кодексу Российской Федерации, то есть в первую очередь хотя бы обеспечение полноценного сна. То есть идеально, конечно, это 8 часов, но в принципе, если это будет 12-часовой рабочий день, но при этом норма выработки будет снижена так, что женщины будут успевать, - я тоже рассматриваю этот вариант. То есть либо 8-ми, либо 12-часовой рабочий день, но никак не 16-часовой рабочий день.

Второй пункт – это снижение нормы выработки, потому что сейчас она искусственно завышена.

Еще невозможно отсюда отсылать какие-либо жалобы и обращения. Просто к приезду комиссий, которые приезжают, все скрывается. Я уже говорила, как мы готовились к комиссии, когда вы приехали в декабре и тоже самое, естественно, происходит сейчас. Конечно, каждый человек боится за себя, это очень естественно, тем более, если он находится в таком закрытом месте, понимает, что вы уедите отсюда, а он останется здесь жить.

Про цензуру переписки мне хотелось бы также сказать. То есть каждый раз, когда человек пытается описать реальное положение дел, его

вызывают в оперотдел либо в отдел безопасности и говорят о том, что ты не должен своим родственникам сообщать такие-то и такие-то вещи.

- Вас вызывали?

- Меня, конечно. Меня из-за телефонных разговоров вызывали. Когда я только приехала сюда, я просто поделилась со своим мужем тем, что болят руки, долго долбила лед. Я даже не жаловалась, я просто рассказала ему, как есть, я не просила его с этим что-то делать. Но меня на следующий день вызвали к Куприянову, и он спросил меня, зачем я это делаю, что такие вещи делать в колонии не стоит.

Кроме того, я считаю, что достаточно сильно урезает наши права на получение доступа информации из СМИ. Потому что согласно статье 94-й УИК РФ, она регламентирует просмотр осужденными к лишению свободы кинофильмов, телепередач, прослушивание радиопередач. И эта статья укрепляет наше право на доступ к СМИ. То есть мы ограничены в каких-то правах, но мы не ограничены правом доступа к информации. Единственная газета, которая выписывается в колонии, это газета "Казенный дом". Это газета, которая

пишет про эти учреждения лишения свободы. И они не обеспечивают реальный доступ к средствам массовой информации.

В отрядах у нас не работают телевизоры. У нас не демонстрируется никакие каналы, тем самым мы полностью оторваны от внешнего мира. Потом вопрос по радиоточке. Согласно статье 94-й УИК жилое помещение, рабочее помещение, камеры ШИЗО и ПКТ оборудуются радиоточками за счет средств исправительного учреждения. Однако нигде я не видела адекватной радиоточки, ни в одном месте. Единственная радиоточка, которую я наблюдала у нас в отряде, то это внутреннее радио ИК-14, там транслируются правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, но никак не новости, не средства массовой информации. Соответственно мы лишены и здесь тоже доступа к информации.

Также наше право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения часто нарушается, сотрудники учреждения допускают мат в нашу сторону, в сторону осужденных.

- Надя, а что этой голодовкой вы требуете лично для себя, не для других осужденных, а лично для себя?

- Для себя я требую место, в котором я буду избавлена от давления со стороны как администрации, так и со стороны тех осужденных, которые сотрудничают с администрацией. То есть я думаю, что это другой отряд. Для меня сейчас стоит вопрос – может ли в этой колонии быть такое место, где на меня не будет оказано давление со стороны администрации?! Я бы на месте администрации попробовала это сделать, потому что я убеждена, что в том случае, если не будет специального давления со стороны администрации на осужденных, то сами по себе они будут относиться ко мне, как и относились раньше, в нейтральные моменты, нормально.

- А в какой отряд вы хотите, чтобы вас перевели?

- Какой конкретно отряд? Я думаю, что это может быть отряд, например, для точечных работ – 8-й отряд. Если они решат перевести меня на какую-то другую работу.

- Что значит "точечная работа"?

- Это означает работы, не связанные с швейным производством, скажем, любые другие работы.

- Хозработы?

- Нет, у нас нет отдельного отряда для хозработ, но, скажем, как Маша моя работает сейчас (Алехина) составителем расписания для вечерней школы. Ну вот работы такого рода, они являются работами точечными.

Я требую перевода себя в другое место работы, потому что еще в январе этого года в лечебно-профилактическом учреждении в Барашево, куда я обратилась с тем, что у меня очень сильно усилились головные боли в связи со швейным производством. Я предупреждала об этом комиссию по распределению на место работы еще в ноябре 2012 года, о том, что у меня есть остеохондроз, что у меня возможно усиление головных болей.

- Надя, я поняла. Вы хотите в художественную мастерскую, но там...

- Это совершенно необязательно художественная мастерская, это может быть любое место.

- В художественной мастерской, где делают матрешки, запах лака, там тяжело дышать.

- Я думаю, что я справлюсь с этим. Но это обсуждаемо. Я привожу художественную мастерскую не как свой ультиматум, а просто в качестве примера то, куда меня можно

перевести. Это может быть другое место работы.

Еще прекращение преследования меня в связи с моими обращениями, а также прекращение преследования других осужденных ИК-14 в связи с обращениями.

- Я поняла. Все, что вы сейчас сказали, в нынешних условиях это достаточно трудновыполнимо и, даже если выполнимо, то это дело не одного-двух дней. Но через 10 дней после начала голодовки вас начнут кормить принудительно, вы готовы к этому?

- Ну да, а что делать. Ну это практикуется.

- А если будет выполнено, например, хотя бы одно из ваших требований, вы прекратите голодовку?

- Нет, мне надо, чтобы выполнены были все требования.

- Надя, как вы себя чувствуете сейчас?

- Ну как? Я очень хочу есть, меня тошнит, у меня кружится голова. Всё, пожалуй.

- А врач вас осматривает?

- Врач, да. Один раз в день меня осматривает врач.

- Надя, вы сами верите в то, что своей голодовкой вы добьетесь изменения ситуации?

- Да, я верю. Ну неужели это сложно? Нужно всего лишь понизить норму выработки. Что касается моего перевода в другой отряд или на другое место работы – в этом тоже нет ничего страшного. Как говорит Куприянов, он же написал заявление о том, что якобы я требую от него льготных условий для себя, но эти условия не являются льготными. Десятки осужденных здесь работают не на швейном производстве, неужели это является льготными условиями? Давайте тогда проверим, почему они там работают. Почему они не работают в том же швейном цеху, почему они работают где-то дневальными. Получается, это коррупционная составляющая.

- Надя, вы обвиняете Куприянова в совершении преступлений, но ведь у вас фактически нет доказательств?

- Ну откуда могут быть эти доказательства, когда я с ним говорила один на один в закрытом помещении?

- Как вы собираетесь это доказывать? Он обвинит вас в клевете.

- Ну пусть, это его право. Я говорю то, что было со мной. И если государственным органам будет удобно представить это иначе, то ну что ж, придется терпеть.

Читайте также:

Отчет членов выездного заседания рабочей группы Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека - Масюк Е.В., Мысловского Е.Н., Каннабих М.В., о посещении 25 сентября 2013 года ФКУ ИК-14 УФСИН РФ по Республике Мордовия в связи с объявлением 23.09.2013 г. голодовки осужденной Толоконниковой Н.А., отбывающей наказание в ФКУ ИК-14 УФСИН РФ по Республике Мордовия

Шаблинский И.Г.: Отчет об участии в проверке условий труда и быта осужденных ИК-14 (с учетом письма осужденной Н.Толоконниковой)

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ